

## Изъ Харьковской театральной старины\*.

(Материалы, мелочи и замѣтки).

VI.

Какъ было уже сказано въ одной изъ нашихъ предшествовавшихъ замѣтокъ о Харьковской театральной старинѣ, Харьковские студенты, по университетскимъ правиламъ, дѣйствовавшимъ въ 30-хъ годахъ, были лишены права посѣщать театръ. Долго ли оставался въ силѣ этотъ запретъ, намъ неизвѣстно: въ прошлое царствованіе, во всякомъ случаѣ, его уже не ощущавало, что же касается до того, чѣмъ онъ былъ вызванъ, то на этотъ счетъ въ печати можно найти нѣсколько разсказовъ, изъ которыхъ довольно трудно вывести что-нибудь опредѣленное. Явно только одно: студенты подверглись маръ вслѣдствіе какой-то свалки, разгравшейся въ театрѣ во время спектакля въ первой половинѣ 20-хъ годовъ.

Одинъ изъ Харьковскихъ старожилъ, печатавшій свои воспоминанія въ мѣстныя „Губ. Вѣд.“ подъ инициалами И. В. и перешедшій изъ Полтавской гимназіи въ Харьковскій университетъ въ 1824 году, говоритъ: „До поступленія моего въ университетъ Харьковскіе студенты произвели какую-то „исторію“ въ театрѣ, почему посѣщеніе театра намъ было на долго вѣдѣно“\*\*.

По словамъ Кованьки, много писавшаго изъ 30—40-го годовъ назадъ по мѣстной статистикѣ и старинѣ, дѣло было такъ:

„Въ 1823 году, 28 сентября, вдругъ брошено было на театральную сцену яблоко раздора. Раздались свистки. Сдѣлалось всеобщее смѣненіе. Всѣ встали, вапущили; только нѣрѣдка можно было разслышать слова: „студенты!... бунтъ!... полиція! полиція!“... Являясь полиція, 60 человекъ гарни-

зонныхъ солдатъ и вѣла студентовъ. Началось слѣдствіе конечно, не тотъ же часъ и шло надлежащимъ порядкомъ, какъ водится... И вотъ, члены слѣдственной коммисіи говорятъ: слѣдствіе кончено, это бунтъ! Депутатъ отъ университета, профессоръ Книгинъ, возвышаетъ голосъ: „нѣтъ, стой, господа! я все знаю! Прошу прослушать! Вотъ мое мнѣніе: нѣтъ вообщѣ показаній видно, что такого-то чюла давалась такая-то пѣса. Такъ?

Отвѣчаютъ: „такъ“.

— Первое дѣйствіе прошло спокойно. Такъ?

Отвѣчаютъ: „такъ“.

— Въ актѣхъ спокойно. Такъ?

Отвѣчаютъ: „такъ“.

— Второе дѣйствіе прошло спокойно. Такъ?

Отвѣчаютъ: „такъ“.

— Вышла актриса Налетова. Такъ?

Отвѣчаютъ: „такъ“.

— Кажется, фаворитка Ге...?

— Такъ.

— Брошено яблоко неизвѣстно чѣмъ и даже откуда именно; раздались свистки съ разныхъ сторонъ; произошло общее смѣненіе; кричали: бунтъ! студенты! полиція!

— Такъ!

— Полиція и 60 гарнизонныхъ солдатъ вѣли студентовъ. Гдѣ-жъ тутъ бунтъ? Это заговоръ!

— Но студентамъ сопротивлялись такъ, что надобно было привести роту солдатъ; вотъ и палки, которыми они отбивались, когда ихъ вели,—сказалъ полиційскій чиновникъ.

— Гдѣ эти палки?

— Вотъ!

— Палокъ тамъ не было. Смотрите: это верба совершенно свѣжая, только что обрѣзанная, которая должна привѣтоса. Посадить ее при мнѣ! Она приметъ, пуститъ ростки! Это заговоръ!

— Какой-же заговоръ?

— Откуда могли вѣваться 60 гарнизонныхъ солдатъ, если они не пригнаны прежде?

— Въ чѣмъ-же этотъ заговоръ и отъ кого?—спросили слѣдователи.

— Мнѣ все извѣстно. Нѣкоторые лица обижаются тѣмъ, что по правиламъ университета, ихъ дѣти сидятъ на одной скамьѣ съ дѣтьми простолюдиновъ, отъ которыхъ де ничему хорошему не научатся. Эти-то господа надѣются отдѣлить свое сословіе посредствомъ уже разрѣшеннаго къ постройкѣ кадетскаго корпуса и хотятъ передъ ними унижить университетъ. Это заговоръ! Я требую посадить палки, онѣ пустятъ ростки“.

„Говорятъ, что палки были посажены и дѣйствительно пустили ростки.

„Наконецъ, слѣдствіе было кончено, дошло до Высочайшаго разсмотрѣнія и было рѣшено тѣмъ, что студентамъ запрещено бывать въ театрѣ, а полиціймейстеръ Ла...ровъ (Лавровъ?) удаляетъ отъ должности“\*.

Въ такомъ же видѣ излагается „исторія“ и въ запискахъ Т. И. Селиванова.

„Въ 1823 г., разсказывая въ нихъ, озорѣла давно родившаяся у дворянъ мысль. Многие изъ дворянъ, а особливо артистовъ, не довольны были университетомъ за то, что тамъ не дѣлаютъ никакого различія межъ дѣтьми столбовыхъ дворянъ и другихъ сословій. Тутъ сидятъ сны полковника и генерала, а съ боку его поповичъ, сынъ купца или портнаго. Не даютъ ихъ дѣтямъ никакого преимуществъ передъ другими, а дойдеть дѣло до экзамена и до выдачи аттестатовъ, то смотришь, не наши впереди, а то поповичъ, то дѣти портныхъ или мастеровыхъ. Это заведеніе мало дѣлаетъ чести намъ. Нѣтъ, намъ надобно учредить такое заведеніе, куда бы никто кромѣ дворянъ не смѣлъ заводить ноги. Надобно-жъ теперь найти важную къ тому причину. Ну, ладно! дѣло задумано,—остановки не будетъ“.

\* „Губ. Вѣд.“ 1859 г., Прибавленія, № 49.

Рѣшено было показать, что студенты ведутъ себя буйно въ театрѣ.

„1823 года въ концѣ сентября (28 или 29-го) разыгрывалась какая-то пѣса, состоящая изъ трехъ дѣйствій. Зрителей было очень много, и студентамъ довольно. Кончилось первое дѣйствіе,—въ театрѣ было скромно; кончилось и второе,—въ театрѣ тоже была тишина, а въ началѣ 3-го дѣйствія брошено на сцену яблоко, а откуда и чѣмъ,—не вѣдѣно. Вдругъ сдѣлался шумъ, ворвалось въ театръ нѣсколько солдатъ полиційскихъ и батальонныхъ и начали безъ разбора брать студентовъ. Студенты, само по себѣ разумѣются, начали сопротивляться и, сложивъ на сосѣдей, окружающихъ ихъ, протестовать, говоря, что они вели себя скромно, но вооруженная военная сила этого знать не хотѣла, ихъ вабиравала и съ грубостью тащила, придавая силу возмущенію крикомъ: „бунтъ, бунтъ!“ Сейчас же дозволено было и губернатору, и попечителю, безъ всякаго разсужденія о бунтѣ. Попечителемъ былъ тогда Сергій Васильевичъ Корѣвѣ, человѣкъ умный, заботливый, въ полномъ смыслѣ попечитель, но немного вспыльчивый. Этимъ прощестіемъ онъ былъ пораженъ“.

„Войдя въ сѣмь немедленно для разслѣдованія этого мнимаго бунта наряженъ былъ комитетъ изъ гражданскихъ чиновниковъ и двухъ профессоровъ, отобранныхъ были отъ каждого студента показанія, и показанія ихъ въ общемъ смыслѣ, кромѣ мелочей, согласны, т. е. что два дѣйствія кончались не только безъ „возмущенія“, но и безъ всякаго шума, а въ началѣ третьяго полетѣло на сцену яблоко, но откуда и чѣмъ брошено—имъ неизвѣстно; что въ то время всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ и никто изъ студентовъ не выходилъ изъ своихъ рядовъ. Но все это въ главѣхъ слѣдователей не оправдывало студентовъ и ни одинъ голосъ въ защиту ихъ не слышанъ не слышанъ. Вдругъ Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ

(профессоръ) поднимается и громкоглаголюще говоритъ: „стой, стой! я теперь знаю, совершенно знаю! Секретарь, пиши: 1823 года, сентября 28 разыгрывалась такая-то пѣса, состоящая изъ трехъ дѣйствій и пр., и пр., и т. д.“... Другіе члены слушаютъ и недоумѣваютъ, чтобы тутъ было особеннаго. „Два дѣйствія кончались спокойно, а въ началѣ третьяго полетѣло на сцену яблоко и неизвѣстно чѣмъ и откуда брошено и вдругъ сдѣлался шумъ не отъ студентовъ, а вломомъ, оборвали на ней платки и т. д. Вообще преданіе о театральной свалкѣ изъ-за какой-то актрисы долго держалось въ Харьковѣ. Насколько оно вѣрно, судить не беремся, замѣтимъ только, что Пашковъ воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ уже въ 40-хъ годахъ и былъ гораздо моложе Селиванова и Кованьки.

Но и нѣкоторые другіе мѣстные старожилы, разсказывая объ „исторіи“, повлекшей за собою запрещеніе студентамъ бывать въ театрѣ, говорятъ, что „исторія“ была порождена не „заговоромъ“, а буйствомъ во вкусѣ Полежаева Саши, этого типичнаго представителя прежняго, „допотопнаго“ студенчества, „геройской“ эпохи нашихъ университетовъ.

По словамъ покойнаго члена Харьковской губернской земской управы Войтевка, печатавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ свои воспоминанія въ „Южнѣ Краѣ“ о Харьковскомъ университетѣ конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ и подписавшаго ихъ буквою Н., причиной запрета былъ слѣдующій случай:

„Одинъ изъ плохихъ актеровъ, весьма дурно выполнившій свои роли и нелюбимый публикой, вынужденъ былъ дѣлать подлину студентамъ, что онъ не будетъ играть больше и оставить сцену. Но актеръ не исполнилъ своего обязательства. Спуста нѣсколько времени имя его снова появилось на сценѣ. Въ тотъ же вечеръ множество

студентовъ заняли почти весь партеръ и кресла. При первомъ появленіи актера на сценѣ, полетѣли на него яблоки, картофель, арбузные корки и т. п. Продолженіе спектакля было приостановлено. Произошла общая суматоха въ театрѣ. Досталось при этомъ и полиціи, которая и не могла не выѣхаться въ дѣло. Но затѣмъ, полиція поступила весьма неосторожно. Она незаконно распорядилась студентами и выѣхала того, чтобы задержать его передать университетскому начальству, она отвѣла ихъ въ общую арестантскую при полиційской части. Это вызвало продолженіе той же исторіи и на другой день. Многочисленная толпа студентовъ, съ ранняго утра, явилась на Николаевской площади выручать своихъ товарищей. Безпорядокъ, шумъ, крики и взаимныя оскорбленія продолжались до тѣхъ поръ, пока арестованнымъ не отвѣли въ университетъ“.

По словамъ Войтевка, это произошло „долго“ до поступленія его въ университетъ. Онъ поступилъ въ университетъ въ 1828 году. Послѣдствіемъ исторіи, по его словамъ, было повелѣніе Императора Николая, чтобы студенты Харьковскаго университета не посѣщали театра: „Въ мое время прибавляетъ Войтеку,—не было такихъ случаевъ; студенты вели себя такъ скромно и благородно, что не навлекли на себя никакихъ преслѣдованій и едва ли заслуживали строгостей Войтекова (инспектора) и его солдатской дисциплины“\*.

Годомъ раньше воспоминаній Войтевка въ одной московской газетѣ появились стривки изъ воспоминаній другаго Харьковскаго старожилы, архитектора А. Данилова. Его разсказъ почти тождественъ съ разсказомъ Войтевка, и отличается отъ него лишь болѣе подробнымъ изложеніемъ.

„Былъ у насъ, говоритъ Даниловъ, „Южный Краѣ“, 1828 г., № 780 и 711.

актеръ въ провинціальной труппѣ, который игралъ главныя роли въ шакопировскихъ произведеніяхъ, и игралъ такъ уморительно и гениально бездарно, что студенты, во имя искусства, ненавидѣли его, какъ литнаго врага. Оамъ ему шикали, свистали, кричали по кошапъ во время монологовъ, которые онъ расцѣвлялъ, бросали въ него арбузными корками, гнилыми яблоками, картофелемъ. Все сносило несчастный артистъ. Наконецъ, онъ заболѣлъ какою-то серьезною болѣзною и легъ въ университетскую клинику. Тутъ произошло слѣдующее: доктора его пользовали, а студенты медики выносили курьезъ, дежура при клиникѣ и веда скорбные дѣлты, старались больного елжко возможно долѣе задержать въ постели. Разсказывали, что они съ умысломъ показали передъ профессорами и ординаторами симптомы болѣзни и тѣмъ вредили испѣленію артиста. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія медленностью своего выздоровленія, несчастный больной вступилъ въ разговоръ съ дежурнымъ по клиникѣ студентомъ—„Скажите мнѣ ради Бога“, сказалъ онъ, „есть ли надежда на мое выздоровленіе, или я долженъ непремѣнно умереть?“.—Студентъ сразу сообразилъ, что отъ отвѣта его многое зависимо для общаго интереса товарищей—сжить со сценъ бездарнаго шакопирова—и отвѣчалъ, что болѣзнь можетъ и излѣчиться, и умереть.—„Какъ такъ?“ спрашиваетъ артистъ.—„Дайте клятву, что вы оставите вѣдѣнную сцену, и я спасенъ; до клятвы этой вы не можете постелъ“. Несчастный даетъ клятву, поправляется, выходитъ изъ клиники, а вождѣ ватѣмъ имя его полагается снова на афѣшъ въ роли Гамлета. Зародилось университетъ за не соблюденіе договора, и студенты чѣмъ не поголовно собрались на представленіе. Стулья и скамьи были скоманы и употреблены, какъ метательные снаряды; произошелъ неслыханный смѣлъ.

„Южный Краѣ“, 1828 г., № 780 и 711.

„Южный Краѣ“, 1828 г., № 780 и 711.

„Южный Краѣ“, 1828 г., № 780 и 711.

даль, шумъ и баталія съ полиціей, казыхъ доселѣ не было слышно. Изъ Петербурга, куда было дано знать о происшедшемъ, пришелъ приказъ воспретить студентамъ посѣщеніе театра“\*.

Примарить всѣ эти преданія о причинахъ, вызвавшихъ въ 20-хъ годахъ запрещеніе харьковскимъ студентамъ посѣщать театръ—довольно мудрено. Очевидно, въ нихъ идетъ рѣчь о двухъ различныхъ „исторіяхъ“, вопросъ заключается въ томъ, какая изъ нихъ послужила поводомъ къ запрету. Очень можетъ быть, что обѣ онѣ были приняты въ Петербургѣ во вниманіе и разсмотрѣнны, такъ сказать, по совокупности. Было бы желательно, чтобы лица, которымъ открытъ доступъ въ университетскому архиву, разъяснили документально эту „исторію“. Трудно допустить, чтобы о нихъ не сохранилось въ немъ никакихъ подробностей, а эти подробности представляютъ несомнѣнный интересъ для харьковской театральной и университетской старины.

ВII.

А. Даниловъ, который разсказываетъ о побойшѣ, произведенномъ студентами изъ-за неудавшагося Гамлета, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ еще одинъ весьма типичный съ бытовой точки зрѣнія эпизодъ.

„Харьковъ, говоритъ Даниловъ въ сороковыхъ годахъ изволила посѣщать покойная Великая Княгиня Елена Павловна. Она изъявила желаніе присутствовать въ мѣстномъ театрѣ, и содержатель труппы, извѣстный провинціальный антрепренеръ и не менѣе извѣстный аферистъ, Млотковский, пользовавшійся этимъ случаемъ, назначилъ на мѣсто тройныя дѣны, разсчитывая на громадный оборъ. Публика, однако жъ, не поддавалась на этотъ разъ его расчетамъ и, собравшись въ огромныхъ массахъ у вѣдѣнія театра, хотѣла и поглядѣть на Великую Княгиню, и выѣхать

сохранить въ карманахъ деньги. Между тѣмъ, за нѣсколько минутъ до пріѣзжа Ея Высочества въ театрѣ пріѣхалъ мѣстный генералъ губернаторъ и спросилъ у антрепренера, ожидавшаго у подѣзда високую гостью, по лонъ ли театръ.—„Почти пустъ!“—отвѣчалъ Млотковский. — „Почему?“... Млотковский замаялся и не отвѣчалъ.— „Увеличенныя цѣны!“ доложилъ старшій полиціймейстеръ, имѣвшій съ антрепренеромъ какіе-то старые счеты,—„публика ропщетъ!“... „Если останется хоть одно невазаное мѣсто въ театрѣ, я сдеру кожу съ тебя!“—сказалъ внушительно начальникъ края, и озадаченный антрепренеръ отворилъ настежь всѣ входныя двери въ театръ, пригласивъ толпившуюся публику занять мѣста gratis. Театръ въ этотъ вечеръ оказался дѣйствительно полонъ, но Млотковский, наказанный за аферу, получалъ не много отъ того барышей“\*.

Даниловъ, какъ мы видѣли, относитъ этотъ случай въ 40-мъ годамъ, но Великая Княгиня Елена Павловна прѣзжала черезъ Харьковъ только одинъ разъ въ 1837 году, въ концѣ августа\*\*.

Въ это-то время (21-го или 22-го числа), слѣдовательно, она и посѣтила Харьковскій театръ.

ВIII.

Въ „Пантеонѣ русскихъ и иностранныхъ театровъ“ за 1840 годъ есть довольно интересное, небольшая статья какого-то Матвѣя о Харьковскомъ театръ. Онъ упоминаетъ въ ней о Рыбковѣ, Соленикѣ, и Млотковскѣ, составлявшихъ гордость и украшеніе тогдашней провинціальной сцены. Тутъ же онъ дѣлаетъ и характеристику Харьковской труппы. Вотъ на этой характеристикѣ мы и хотимъ остановиться вниманіе читателей.

„Главнѣйшее очаеніе и несчастье Харьковскаго театра, говоритъ Матвѣй,—въ двухъ крайностяхъ. Въ труппѣ есть нѣсколько актеровъ, дарованіе которыхъ очевидно: гораздо больше людей бѣсталаныхъ, совершенно не понимающихъ своего дѣла, вѣчно озоравшихся съ памятью и съ здравымъ смысломъ. Нѣтъ средины: нѣтъ людей, о которыхъ можно было бы сказать, что они понимаютъ свое дѣло, а на ноги сапоги, которые надѣвались сверхъ брющъ, въ родѣ ботфортовъ. Онъ говорилъ густымъ, однозвучнымъ басомъ, не перемѣняя ни положенія тѣла, ни выраженія лица. Каково? Это Полоній, хитрый, вырочивый придворный, озадаченный гениемъ Шакопира! Нелзя было не поразоваться, когда Гамлетъ закололъ его. Его потащили уже со сцены, какъ вдругъ изъ его кармана посыпались и повалились на полъ мѣдныя деньги. Мертвецъ, въ величайшему ужасу публики, вырвался, подобралъ гроши, съ заботливостью спрятали ихъ въ карманъ и снова умеръ. Подобные промахи (!) съ провинціальными актерами нѣрѣдки. Недавно еще одинъ умный (!) и даровитый актеръ ошибся (!) очень наивно. Не помню, въ какой роли, ему должно было заколѣться. Онъ исполнилъ это удачно, упалъ и растопталъ натурально. Вдругъ изъ партера какой-то поповъ закричалъ: „фора! фора! епосетъ! Актеръ быстро всталъ, приналь съостѣтствующее положеніе, проговорилъ два послѣднія слова и въ другой разъ закололся“.

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закладываясь, класть за пазуху бичащій пузырь съ.. кляушкой. Артистъ, змывавъ смертенносныя орудіемъ, пронавалъ пузырь, падалъ на полъ и въ ужасу зрителей сцена ограничалась... кровью! Какъ видите, и въ старину понимали толкъ въ „реализмѣ“, и шли пожалуй, дальше Золя и... Цуки...

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ процлывали еще и